

Из воспоминаний Семенова Ивана Куприяновича, участника боевых операций на Карельском, Ленинградском и Украинском фронтах. 1994-1995 гг.

Семенов Иван Куприянович. 1985 г.

ГКУ ГАК, ф. Р-1404, оп. 2, д. 3, л. 1.

[...] Каждый раз, когда Федоров ездил за продуктами, привозил письма, газеты, последние новости. На этот раз он привез новость о том, как командир бригады, полковник А. И. Горохов, соревновался в ходьбе на

лыжах с военнопленным финном. Об этом рассказал сам Горохов на встрече однополчан в 1976 г.

- Надо было показать всему личному составу бригады, - рассказывал Иван Александрович, - что мы не хуже, чем финны, можем и умеем ходить на лыжах. И вот такой случай подвернулся. В плен был взят финн – отменный лыжник. Вот с ним-то и решил я пойти на лыжах: кто кого обгонит. Финну объявили, что командир бригады ставит условие: если финн при равных условиях сумеет уйти от полковника, он свободен. Его никто не задержит, и он уйдет в Финляндию. Если же не сумеет, то останется в плену, со всеми последствиями.

Финна подвели к пирамиде с лыжами. Там были наши новые лыжи, обкатанные, обьезженные и финские. Он выбрал финские лыжи, подогнал по своей обуви крепления, выбрал лыжные палки. Прошелся немного для пробы. Сказал, что готов в путь. Я ему сказал, что не имею никакого оружия, и дал знак двигаться.

Сначала финн шел вразвалочку, нехотя, потихоньку. Пройдя километров пять, стал прибавлять ходу. Я стал отставать от него. Он, видя это, еще поднажал. Расстояние между нами увеличивалось. Впереди на нашем пути был затяжной подъем с рыхлым снегом и мелким кустарником. Там я его и рассчитывал догнать. У меня была большая сила в руках, которая необходима на подъемах.

Когда я догнал его, то он сразу стих, с виноватой улыбкой повернул лыжи, и мы пошли назад. Я выиграл состязание, - заключил Горохов.

Солдатская молва быстро разнесла весть о победе комбрига. О ней узнали все. Это подняло боевой дух, нашу уверенность. Мы тоже не лыком шиты, кое-что умеем. [...]

[...] До весны еще раз пришлось сходить в тыл противника. Небольшой отряд был сформирован из солдат, сержантов и офицеров нашей роты. Надо было устроить засаду и захватить языка.

Перед выходом на выполнение этого задания мы две ночи не спали и отрабатывали порядок всей операции. Из разведроты к нам пришел сержант, который и учил нас, как надо все это делать.

Подобрал местность, похожую на ту, в которой предстояло захватывать «языка». Разделил нас на группы захвата и обеспечения. Группу захвата возглавил ст. серж. Федоров.

Люди под его командой должны были напасть на финнов и захватить пленного, а мы, группа обеспечения, помогаем им в захвате и прикрываем их отход.

Две ночи учились тихо сидеть в засаде, все слышать, все предусмотреть. Определили, как и где поставить лыжи и лыжные палки. Чтоб не мешал вещевой мешок на спине, чтоб удобно висел на поясе нож, под рукой была на случай граната, чтоб не отказало в нужный момент оружие. Группа захвата должна затаиться, как мыши, и ждать удобного момента для решающих действий. Кто-то первым должен выскочить из укрытия, кто-то умело подстраховать и помочь товарищу. Ни кашля, ни громкого разговора, ни стука, ни шороха нельзя допустить в засаде. Надо было отработать все действия по отходу с места захвата пленного. Как нейтрализовать, предотвратить сопротивление захваченного в плен.

В общем, много разных неизвестных действий противника в ответ на наше нападение надо было предусмотреть и отработать. Все новые и новые вводные давали нам наш взводный и сержант из разведроты.

Морозец пробирает. Потные рубахи прилипают к остывающему телу. Еще раз мы проигрываем захват «пленного».

- Перекурим, – тихо говорит наш взводный после очередного «захвата языка». Дымим самокрутками из махорки.

Захваченный «язык» сержант Терехов и Федоров, который брал его, сидят рядом на валежине. Оба еще не остыли от недавней борьбы в снегу.

Потирая ушибленное колено, Федоров говорит:

- А ты здорово сопротивлялся. Тебя нелегко будет и в самом деле взять в плен.

- А ты как бы на моем месте действовал, нате, берите меня, пожалуйста, я весь ваш. А кукиш с маслом не хотел! Это тебе помогли. Вдвоем на меня надели. Ваша взяла. А ты попробуй один со мной сладить. Не дамся.

Такие разговоры еще больше распаляли нас. И каждый новый захват на «захват» языка оканчивался. Но лейтенант давал всякий раз новые вводные, усложнял обстановку.

Мокрые от снега и собственного пота возвращались мы в теплую землянку. Раздевались, развешивали сушить одежду и еще долго обсуждали свои действия.

Настал день выхода в тыл противника. Все было подготовлено. Проверена подгонка обмундирования, проверены лыжи, обувь, оружие, получены боеприпасы, продукты.

У всех приподнятое настроение. Люди настроены на выполнение боевого задания, уверены в успехе. Рано утром выступили. Нас провожали остающиеся в расположении роты.

До деревни Березово около 60 километров. Туда мы шли налегке. Там, на последнем привале, последний более-менее спокойный привал – отдых. Получили необходимый запас патронов, гранат, противопехотных мин и десятисуточный паек. Вместе с боеприпасами в вещевой мешок складывали сухари, брикеты пшенной каши, банки с консервами, пачки махорки, соль, баночки с «сухим» спиртом (жми-дави). Там же лежали запасные портянки, рукавицы, котелок, ложка, кружка и другие необходимые предметы. Груз был порядочный. Без осложнений пришли мы к месту засады. Провели разведку. После возвращения разведки вышли на исходное положение для захвата. Сидели не шевелясь. Но до захвата «языка» дело не дошло. Не появились финны, как мы ожидали. Время для контрольного возвращения прошло. Минеры поставили на контрольной

лыжне финнов мины, перерезали в нескольких местах телефонные провода противника. Мы возвратились. [...]

[...] На этом месте мы простояли до февраля 1944 года. Несколько памятных событий произошло за эти месяцы. Но надо сделать отступление и рассказать о двух явлениях в нашей жизни.

Когда мы приехали в 1942 году в те места, то были здоровы. Но к весне многие молодые солдаты, да и офицеры стали седеть. Седеть не так, как седеют обычно пожилые люди. На наших головах появлялась седина по всем их частям. У людей с темными волосами голова выглядела серой. У светловолосых седина менее заметна была.

Что это такое? Как надо бороться с сединой? Медики ответа не давали. Люди, пожившие больше нас на свете, советовали нам брить головы наголо. Начались поиски бритв. У нас к тому времени еще ни усы, ни бороды не росли, и бритв мы не имели. Появились самодельные бритвы. Мы брили волосы на головах, а они вырастали и были седыми.

И еще нас озадачило такое дело. Чуть где поцарапал кожу на руке, как на этом месте появлялся гнойник. Как ни берегись, а царапины появлялись, гноились и болели.

Примерно через полгода у нас исчезла седина в волосах на голове, перестали гноиться ссадины и царапины на коже. Молодые организмы осваивались с карельским климатом, который там очень влажный. А может быть и географическая широта имела какое-то значение.

Только мы оправились от седения и гнойных нарывов, как на нас навалилась новая беда. Зудились и кровоточили десны, качались зубы, мышцы теряли эластичность. Стоило надавить пальцем на любую мышцу, то на месте было белое пятно. Ямка от пальца расправлялась не сразу. Конечности стали зябнуть. Мы хуже переносили холод. Медики объясняли это болезнью, называемой цинга.

Питались мы сушеными, солеными, консервированными продуктами. Вместо хлеба – сухари. Рыба треска, которая была главным

продуктом нашего питания, была крепко соленая. Овощи: картофель, лук, капуста, – сушеные. Сколько не вари, они оставались твердыми. Мясо, которое выдавали, было консервированное. Кашу варили из брикетов. Крупа в них уже была в какой-то мере вареной и соленой. Во всех продуктах, которые я перечислил, витамин С был уменьшен переработкой.

Если седина на нас не повлияла, на наше здоровье, то цинга оказала серьезные изменения в организмах. Мы быстрее уставали, страдали от холода. Появилась вялость, апатия, снижалась боеспособность.

Мучительно искали лекарство от цинги. Медики советовали курить табак. Многие из нас не курили.

- А вы не курите, - говорили нам, - втяните дым в рот, подержите его, окурите десны и выпустите.

Никогда не кутившие люди стали свертывать сигарки с махоркой и окуривать десны, а потом научились по-настоящему курить. Так и я, начав окуривать цинготные десны, пристрастился к курению и жег табак до 1959 года.

Табак не помогал. Болезнь развивалась. Десны зудились все сильнее, появился тухлый запах изо рта. Зимой нам ежедневно выдавали по 100 граммов водки. Медики снова советуют.

- Омывайте водкой больные десны, возьмите в рот глоток водки, пополощите во рту и выплюньте. - Сначала полоскали, выплевывали изо рта водку. Потом стало жалко выплевывать, стали глотать. Ни водка, ни табак не помогли. Цинга все больше и больше поражала наши организмы.

Осенью было много ягод черники и брусники. Нас заставляли их собирать и кушать.

И все же нашли более-менее надежное средство против цинги. Это хвойный настой. В каждой землянке было корыто, вырубленное из куска дерева. Хвойные иголки с сосен, пихт, елей мелко рубили топором в корыте. Заваривали их кипятком, давали закиснуть и пили.

Когда в 1943 году весь батальон собрали в одном месте, а личный состав питался в столовой, то там хвойный настой готовили в бачках емкостью 10-12 ведер. Тогда хвойный настой пили кружками. Он лечил от цинги. И в лето мы вступили более здоровыми и окрепшими физически. Нам было по 20-21 году. К этому времени поднакопили кое-какой боевой опыт. Все кратковременные стычки с противником шли на пользу. Довольно сносно ходили на лыжах, научились ориентироваться на местности, овладели своим оружием. Многому, очень многому полезному для войны научились. Получили много автоматического оружия: пистолеты-пулеметы (ППШ), ручные пулеметы, противотанковые ружья. Командиры отделений были вооружены ППШ с тремя дисками по 71 патрону в каждом. Когда шли на выполнение боевой задачи, то получали по 300-400 патронов и несколько ручных гранат.

Почувствовали свою силу. [...]

[...] Там и сям стояли чахлые деревца, которые рубить категорически запретили. Под ними можно было укрыться. Выкопали в снегу ямы, на лыжи и лыжные палки натянули плащ-палатки. Жилье готово. Рядом в ямах из снега поставили минометы.

Одеты мы были хорошо. Теплое белье, ватные брюки, валенки с теплыми портянками, полушубки, меховые шапки, рукавицы. Но на снегу долго не пролежишь. Костра не из чего зажечь. Рядом располагался хоззвод. К ним стали ходить на промысел. То доску какую, то ящик из дерева стащат. Костерчик разожгут. Скоро разведали окрестности. Нашли лес сухостойный. Стали его пилить, да на санях возить. Костры жгли да обогревались. Костры приносили немало бед. Мучится, мучится солдат без сна на морозе, а у костра пригреется, да и уснет. Отскочит от полена искра горящая, упадет на одежду и прогорит дыра. А то шуба от жара соберется в кучу. Ходит тогда погорелец в дырявом полушубке или шапке, а то и без рукавиц. Да и самолеты нередко налетали, привлеченные светом костров.

Обстреляют или бомбы на нас сбросят. А снег плохая защита от пуль и осколков бомб. То ранит или убьет кого, то лошади хозвзвод лишится.

У всех было представление такое, раз Заполярье, то обязательно вечная мерзлота. Но кто-то стал копать землю. Она под глубоким снегом оказалась талой, мягкой. Весть об этом разнеслась по всему нашему батальону. Мы радовались этому, видно, так же, как древний человек, изобретший колесо. Закипела работа. Лопата не простаивала, из одних рук передавалась в другие. Быстро выкопали котлованы. Привезли сухостоя, перекрыли траншеи, из глины слепили небольшие печурки, плащ-палатками закрыли входы. Получилось жилье. Тепло за ветром. Ожили, слышались веселые возгласы. Много ли надо человеку для счастья.

Жизнь без крыши над головой, без горячей пищи, в постоянной борьбе за существование, без хвойного настоя, снова дала о себе знать цинга. Болели и зудились десны. Мы мерзли. А к цинге добавилась куриная слепота. Люди стали плохо видеть в темноте, которая в полярную ночь была постоянной. Раньше всех ослепли солдаты ленинградского пополнения. Люди, пережившие блокаду, голод, холод, лишения, пришедшие к нам перед отъездом в Заполярье, были слабы физически. У всех было витаминное голодание, а у блокадников оно было еще больше. Один из блокадного Ленинграда по фамилии Гучков мне запомнился больше других. Он был особенно худ и болезнен.

- Что ты умеешь делать? – спросил его старшина. - Умеешь лошадью управлять?

- Нет, не умею, - отвечал он.

- А на лыжах ходить?

- Чуть-чуть научился.

- Пойдешь в минометный расчет.

Так он попал в наш взвод в отделение Киреева. Назначили его третьим номером. Таскать опорную плиту и дополнительные заряды на мину ставить.

Странную картину представляло наше воинство. Один зрячий за лыжную палку вел за собой одного, а то и двух слепых. Когда человек хорошо ходит на лыжах, он реже падает. А Гучков еле передвигался на лыжах и то и дело падал. Пока он поднимется с помощью товарищей на ноги, да станет на лыжи, колонна стоит и ждет. Упадет он в рыхлый снег вниз головой, сверху давит на него опорная плита, вещевой мешок. Лицо мокрое от снега мерзнет на ветру, руки, продетые в тесемки лыжных палок, не позволяют ему отереть лицо от влаги. Карабин, одетый через шею на ружейный ремень, мешал ему подняться. Когда он поднимался на ноги и немного приходил в себя, разряжался отборной матерщиной, редко кем слышанной.

- В бога, пресвятую богородицу, трех святителей, Христофора Колумба и маленьких мореплавателей... Почему я остался живой в блокаде на эти муки вселенские. Сорок мучеников, архимандрита, пречистую деву Марию, двенадцать апостолов...

- Гучков, прекратите сквернословить, - говорит ему Киреев. - Наряд вне очереди.

- Есть наряд вне очереди, - отвечал он.

- Где же ты, милый, научился так складно беседовать с богом и всем его окружением? – спросил солдат из поморов.

- Где, где, на Лиговке. Ты бы пожил там с мое, может, лучше бы научился.

- На лыжах я научусь ходить в три господа, Георгия Победоносца, преисподнюю, - про себя потихоньку продолжал выражать свое недовольство Гучков. - Беда, что я ни... не вижу и могу по этой причине послать куда-нибудь штабного чистоплюя. Он же мне не простит мое прегрешение перед уставом да лиговское образование.

Полученное от Киреева взыскание не остановило сквернословия блокадника. При каждом новом падении он выдавал все новые импровизации кабацкой матерщины.

Бригадная медицинская служба лихорадочно искала лекарство против куриной слепоты. Это было настоящее бедствие. Подразделения были небоеспособны. Несколько вражеских автоматчиков могли вывести из строя большое подразделение. Мы не могли выполнять боевые задачи.

Однажды старшина роты принес сосуд, наполненный жидкостью. Это был рыбий жир. Жидкость вылили в котелок. Каждый подходил к нему, черпал своей ложкой и, морщась, глотал. По несколько ложек выпил из нас каждый. Скоро зрение улучшилось.

Скоро мы заняли оборону на горе, которую солдаты почему-то звали «Татьяной». Почти у самой вершины, противоположной от немцев, установили мы свои минометы. Мины приходилось носить, карабкаясь по круче, поминутно соскальзывая. Пока донесешь до верха 5-6 мин, взопреешь. Чуть отдохнешь и вниз за новой ношей.

Батальонная кухня тоже была внизу. И мы по очереди ходили с котелками за завтраками, обедами, ужинами. Кашу варили из соевой крупы или муки. На второе блюдо давали омлет из яичного порошка, полученного из яиц морской черепахи. Бывало, берешь в две руки восемь котелков – по четыре в каждую, и несешь сразу на восемь человек. Боже упаси упасть и разлить из котелков пищу. Это была бы беда. Оставить голодными солдат было нельзя. Изнемогая от напряжения, карабкались мы по круче.

Когда приходила очередь Гучкова, идти на кухню, тут можно было услышать целый молебен. Он не мог рукой обхватить дужки четырех котелков.

- Ну что ты в три святителя, присноблаженного, архимандрита Соловецкого, игумена Сергея, попа-расстригу и дочку его... Как же я, распронаисвятейший валаамский монах холощенный, взять не могу эти котелки. - Митя Захожий был тоже мастак материться. Но, и он, разинув рот, слушал Гучкова. Не раз напрашивался вместе с Гучковым идти на кухню.

Так в повседневных делах наших, беззлобных перебранках, иногда жарких схватках с противником дожили мы до появления на небе солнца. Первые же погожие дни принесли нам новое испытание. Солнечные лучи низко ходящего над горизонтом светила отражались от снега. А он там чистый, как слезинка, отражает свет, как зеркало. Глаза, еще неокрепшие от куриной слепоты, нестерпимо резало. Как будто тебе в глаза кто-то горсть песку бросил. Смотреть на снег нельзя было. Приходилось завязывать глаза полотенцем и сидеть неподвижно. Кое-кто кричал криком от боли.

Снова медикам пришлось поработать. Привезли очки с темными линзами. Сначала их давали часовым, наблюдателям и другим военнослужащим, которые несли службу. Позже их выдали всем поголовно.

Снег растаял. Тундра приобрела серый цвет. Потеплело. Постепенно меняли шубы на шинели, валенки на ботинки. Переодевались в летнюю форму одежды. Весна набирала силу, вступала в свои права. Появилась перелетная водоплавающая птица. На период распутицы снизилась активность войск. Только артиллеристы и минометчики стреляли. Надо было быть начеку.

[...] Командир нашей роты ст. лейтенант Федор Петрович Самохвалов был требовательный. Сам хорошо был подготовлен, учил нас. У него было какое-то природное чутье на выбор места огневых позиций. И то место на озерном мысе выбрано было им удачно. Оно спасло жизни многим из нас.

На тех позициях мы и победу над Финляндией праздновали. А было это так.

Заступил я дежурить по роте с 4 на 5 сентября 1944 г. Солдаты моего расчета стоят на постах, охраняют сон роты. Я их меняю на постах, проверяю, как они бдительны и внимательны, дежурю у телефонов, по которым рота связана со штабом батальона и нашими наблюдателями.

Ночи в сентябре еще не длинные. И вот в 4 часа утра зазвонил телефон. Беру трубку и говорю, кто у телефона. Помощник начальника штаба передал мне, что с 5 сентября 1944 года с 10 часов утра установлено с финнами перемирие. Военные действия прекращены. У меня дыхание перехватило от волнения. Кое-как ответил, что понял. Положил телефонную трубку и выбежал из блиндажа на улицу. Кричу во все горло.

- Рота, подъем! Война кончилась, перемирие.

Командир роты выскочил в нательной рубашке, кричит на меня.

- Ты что, не спятил, часом, с ума.

- Нет, не спятил, - отвечаю ему. - Звонил помощник начальника штаба. - И снова ору – Ураааа!

Меня окружили солдаты, качать начали. Я же им первый радостную весть принес. А командир сам позвонил в штаб и удостоверился лично, что объявили перемирие. Ему дали указания, как и что делать, чем заниматься.

Не один день у нас было праздничное настроение. А на передовой братание с финскими солдатами, которые приходили к нам через проделанные ходы в заграждениях и минных полях.

Дождались мы на тех позициях окончательных результатов замирения. Недели две ничего не знали, куда нас пошлют. Приводили в порядок свое обмундирование, оружие, боеприпасы. Одну землянку приспособили под баню, и мылись сколько хотели. Кругом нас простирались во все стороны черничники. Ягод на них было много в ту осень, и мы отдавали им должное. Отойдешь немного от расположения и быстренько нарвешь целый котелок спелых с синим отливом ягод. Ешь сколько влезет. Сахару, правда, давали мало. [...]

[...] Наступило утро 9 мая 1945 года. Конец войны уже чувствовался, осязался. Вот-вот это долгожданное событие – конец войне, должно произойти. И оно произошло!!!

Сначала одиночные выстрелы слышались то там, то в другом месте. Постепенно стрельба нарастала, сливаясь в непрерывную. [...]

Это был салют Победе. Стреляли все, у кого было хоть какое-то оружие. Солдаты обнимались, целовались, жали друг другу руки. И кричали ура-а-а. Как будто шли в атаку. Царил неопиcуемый восторг. Свершилось! Войне конец. Скоро по домам.

Егор, наш старший команды, плакал, его утешали, но напрасно. Видно, горе, скрываемое им, теперь вырвалось наружу. Надо было смеяться и радоваться. А этот, уж не молодой человек, плакал. О своем горе молчал.

Пальба из оружия постепенно прекратилась. Мы сидели в тени деревьев, нещадно дымя махоркой. Каждый думал о своем, сокровенном. Война закончилась. Что-то будет после нее. Мы остались живыми. Будем начинать новую жизнь. Я уж однажды 5 сентября 1944 года пережил радость победы над Финляндией. Но та Победа лишь частью этой, общей для всех Победы была.

Егор куда-то ушел, предупредив нас насчет самодеятельности в части спиртного. Приводите себя в порядок. Всем побриться. У кого есть получше обмундирование – надеть. Почистить обувь, оружие. Принять гвардейский вид. Были его напутственные слова. Что же, приказ начальства – закон для подчиненного. Принялись мы за дело.

Петя Сахарук, с которым я ближе всего сошелся, вытащил на свет божий потрепанный, выдавший виды, объемистый чемодан. Он привлек внимание всех. Сахарук с невозмутимым видом открыл его и стал выкладывать на крылечко содержимое. Какие-то свертки, узелки лежали сверху. В его руках появились габардиновые брюки, гимнастерка, сапоги. Критически осмотрев эту офицерскую форму, посетовал – измятое все, утюжок бы где раздобыть, погладить.

Гриша Качан – солдат из последних призывов, посоветовал Петру обратиться к пани – фрау – хозяйке соседнего домика.

- А то, давай, я тебе это организую. Я сейчас смотаюсь до фрау, чи пани. - Скоро уж слышен был его разговор на украинско-польско-

немецком диалекте. – Давай, Петруха, твои штаны да рубаху. У паночки уют, что паровоз. Она быстро его разогреет.

Взял эту форму и ушел. А Петро продолжал перебирать в чемодане.

- Сержант, уж очень плоха у тебя гимнастерка. Негоже с медалью на груди Победу праздновать в таком рванье. Возьми вот эту. И он подал мне новенькую хлопчатобумажную гимнастерку. – Погоны перевесишь сюда, погладишь и будешь, как гвардеец. Жаль, что усы еще плохо растут.

Брюки на мне были тоже застиранные донельзя. Но еще без дыр и заплат. Мир не без добрых людей. Сходил к паночке, погладил подарок. Она гладила и улыбалась, говорила что-то. Я разобрал слова «солдат, Победа и шнапс». Подшил белый подворотничок, прицепил медаль, начистил ботинки, перемотал портянки, потуже затянул обмотки, побрился. Настроение поднялось.

Вернулся Егор. – Вижу, зря время не тратили. Напросился за стол к артиллеристам. Они вот тут, недалеко в садочке, столы накрывают. Мы со своим харчем и выпивкой к ним присоединимся. Заканчивайте свои дела, через час мы должны быть там.

Сам стал приводить себя в надлежащий, праздничный вид. Качан снова понес к паночке его брюки и гимнастерку. Он тем временем занялся сапогами. Отдал почистить до блеска орден и медаль. Из узелка вытряхнул нательное белье, новую пилотку и погоны с нашивками старшего сержанта.

Оделись. Стоим курим, до умопомрачения трезвые. Ждем старшего. Вот и он вышел на крыльцо. Бравый, подтянутый широким офицерским ремнем, в начищенных сапогах. С наградами на груди. Велел нам построиться в одну шеренгу. Встал, как Суворов, перед нами. Всех критически осмотрел. Дольше других задержал взгляд на Сахаруке. Его габардиновая форма, хромовые сапоги, орден и две медали на груди, офицерская фуражка смутили. Он хотел, видно, что-то сказать ему о

нарушении формы при солдатских погонах. Но ничего не сказал, а скомандовал: «Смирно».

- Товарищи солдаты, сержанты, поздравляю вас с Победой!

- Ура-а-а! - ответили мы ему не очень дружно.

- Пойдем к артиллеристам. Сегодня такой день, грех не выпить. Но выпить умеренно, не до безумия. Личное оружие взять с собой. Вольно. Разойдись. Перекурить и пойдем.

С собой в домик позвал двоих. Пока мы курили, между Качаном и другим хохлом возникла пикировка.

- Гришка, а чевой-то ты сегодня как шестерка бегал до паночки с чужими штанами. Видать, приглянулась она. Человека у ней не бачил?

- Та що ты прицепився. Мабуть, и понравилась, гарнесенька, круглесенька паночка. Звала вечерять. Мабуть, сходить?

- Та вона же стара да клята-переклята своим чиловеком, даже сгорбилась. А ты пийдешь.

- Чиловека в ней давно нима. Его до ниметчины забрали. Та там и сгинул.

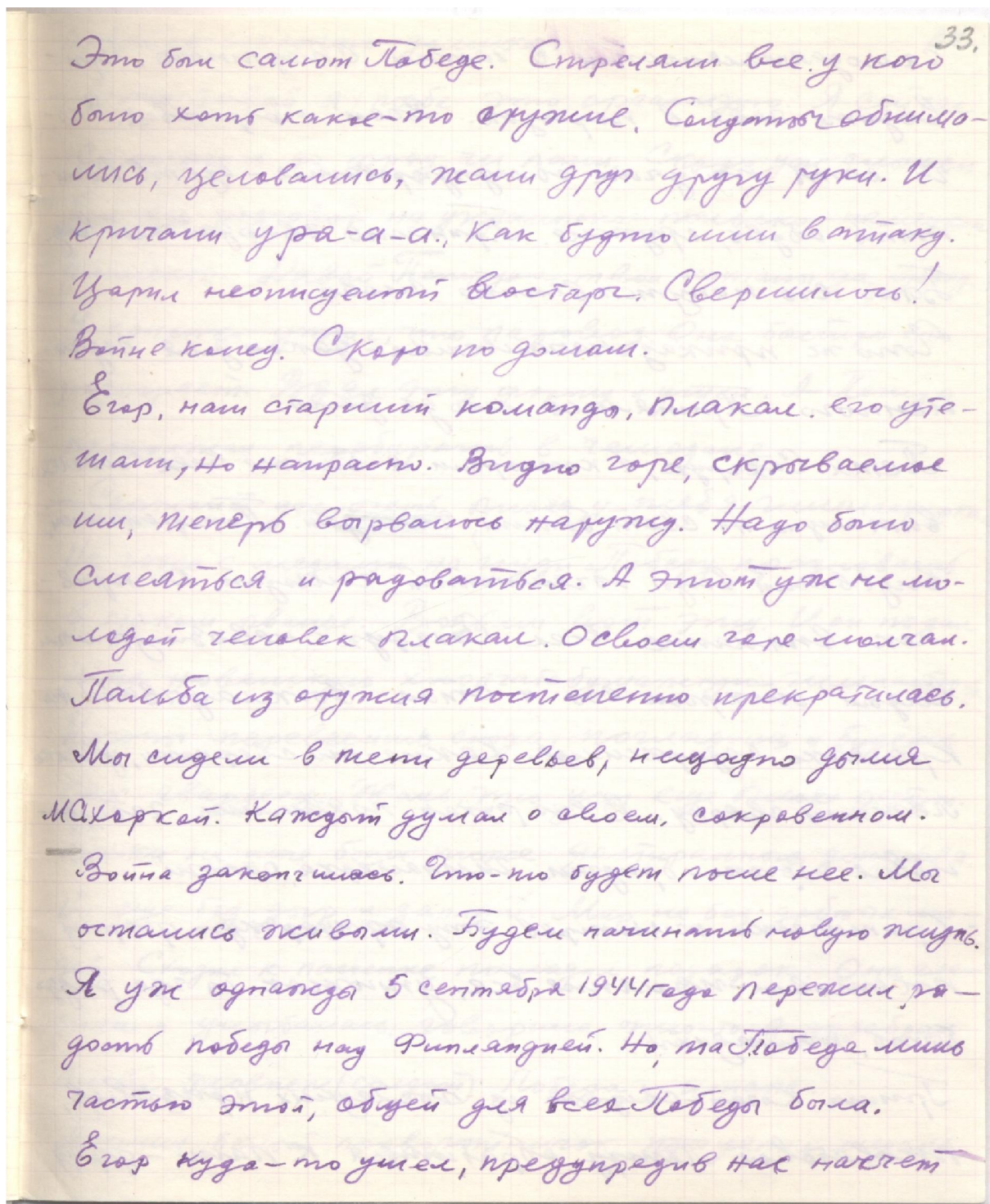
- Ну тоды друго дило. Спитай щастья.

Егор со спутниками несли три увесистых мешка. Свой он передал нам.

- Как уж я вам сказал, не ударьте в грязь лицом. Не бузите, друг за другом следите. Чтоб все было чин чином. В гости идем. Давайте пойдем, время поджидает, не след опаздывать.

Мы гуськом, безо всякого строя, двинулись вслед за командиром по узенькой улочке. Завернули за угол. Еще немного прошли по мощенной булыжником улице и свернули к воротам, за которыми в глубине сада виднелся добротный дом. Прошли мимо часового в воротах. Он нас поприветствовал по-ефрейторски, вытянувшись в струнку и откинув на вытянутую в сторону руку винтовку. Сегодня праздник. Победа!!

От площадки перед домом прямо и налево тянулись в сад аллеи. На них углом расходился большой длинный стол. На площадке и по обеим сторонам стола стояли солдаты, сержанты, офицеры. Все были опрятно одеты. У многих на груди сверкали ордена и медали, нашивки за ранения и контузии.

Когда мы подошли к столам, старшина зычным голосом подал команду садиться за стол.

- А вы, кормильцы-поильцы наши, - обращаясь к нам, – садитесь вот за этот стол, - и протянул руку налево.

Ну, осмелюсь доложить вам, друзья, артиллеристы не ударили в грязь лицом. Стол ломился от еды и выпивки. Этикетки на бутылках и содержимое было всех цветов радуги. В тарелках, котелках, на противнях была всякая еда. Жареное и тушеное мясо, подливки и закуски, банки с консервой, копчености, рыба, фрукты, хлеб, нарезанный мелкими кусочками, зелень и цветы. Глаза разбегались, не могли ни на чем остановиться. Все было вкусное на вид, в изобилии и каждому доступное. Ложки и кружки у каждого были свои. Все это было выложено на стол. Разговоры и смех смолкли. Все повернули головы на угол столов. Там стоял командир полка.

- Дорогие товарищи! Солдаты, сержанты, офицеры. Берлин пал. Германия капитулировала. Подписан акт. К чему мы так долго шли, свершилось. Мы победили. Поздравляю всех с Победой! Ура!

- Прошу наполнить свою посуду, положить закуску.

Нас упрашивать не надо было. Управились скоро.

- За Победу, за хорошую жизнь после войны, за здоровье прошу встать и выпить.

Выпили, сели и стали сосредоточенно, молча закусывать.

Вторую выпили за погибших, до Победы не доживших. //

После второй чарки с каждой минутой оживлялись разговоры. Послышались тосты. И впервые, может быть, появился возглас – а помнишь. Он с нами жил до смерти каждого. При любой встрече ветеранов войны он произносился много раз. Если услышал, - а помнишь, - можешь быть уверенным, это встретились однополчане.

Снова со своего места поднялся командир полка. Рука его поднялась, и он выстрелил из пистолета несколько раз. И тут началось невообразимое. Все соскочили со скамьи, сняли с веток деревьев карабины, автоматы, вытащили из кобур пистолеты и открыли такой огонь, какого не всегда

можно было услышать при атаке. Стреляли до тех пор, пока были патроны. С ближайшего костела поднялись в воздух голуби и метались по небу от испугу. Салютовали в городе не в одном месте. Стрельба доносилась и справа, и слева, и спереди, и сзади. Много израсходовали патронов в этот день.

Музыканты взялись за свои инструменты. Сначала они исполнили несколько отрывков из торжественных пьес. Потом играли вальсы, фокстроты, русского. Недостатка в танцорах не было. Женщины, присутствовавшие на празднике, были нарасхват. Завечерело уже, когда стали расходиться по своим квартирам артиллеристы и мы. Славный получился праздник.

ГКУ ГАК, ф. Р-1404, оп. 1, д. 8, л. 7об. – 9, 15–17об., 28–30об., 45об. – 50об.; д. 9, лл. 15об. – 16об.; д. 10, лл. 1-2, 32-37. Подлинник. Рукопись.